

акалічнасцей. Перш за ўсё, сам раннефеадальны час адрозніваецца малой колькасцю помнікаў пісанага права, паколькі ў гэты перыяд толькі распачынаецца працэс фарміравання падобнага права на тэрыторыі Беларусі. Таксама важна памятаць, што помнікі пісанага права змяшчаліся на такіх носьбітах, як пергамент ці папера. Зразумела, што ім патрабаваліся спецыфічныя ўмовы для захавання, і яны даволі лёгка маглі знікнуць у выпадку навадненняў, пажараў ці іншых стыхійных бедстваў, ці ў выпадку ваенных дзеянняў. Разуменне ўказаных абставін дазваляе больш аб'ектыўна ўсвядоміць, як сам працэс фарміравання асноўных паняццяў і катэгорый праваахоўнага права ў Беларусі феадальнага часу, так і праблему, з якой сутыкаюцца даследчыкі гісторыі дзяржавы і права. Можна чакаць, што па меры правядзення даследчыцкай дзейнасці, развіцця існуючых метадаў даследавання, а тым больш са з'яўленнем і развіццём новых, раней не выкарыстоўваемых метадаў і методаў, вучоныя атрымаюць дадатковыя звесткі, а магчыма, будуць знойдзены і нейкія тэксты раней невядомых помнікаў права (ці раней невядомыя спісы вядомых на сённяшні час помнікаў права) перыяду феадальнай Беларусі.

Важнай старонкай пры разглядзе праблемы фарміравання і выкарыстання асноўных паняццяў і катэгорый праваахоўнага права, да і ў цэлым права Беларусі разглядаемага часу, выступае лінгвістычны аналіз юрыдычнай беларускай лексікі. Вядома, што адной з асноўных крыніц пісанага права выступала звычайнае права. Народная традыцыя, заснаваная на звычаях, санкцыянавалася агульнапрынятаю грамадствам і даўніной ужывання прававых норм. Гэта народная традыцыя мела пэўную лексічную форму перадачы, якая на час афіцыйнай фіксацыі на пісьме пры пераходзе звычайнага ў пісанае права часта сама па сабе ўжо выглядала даволі архаічна. Калі да гэтага дадаць наяўнасць ранейшых запазычванняў норм і прававых традыцый ад іншых народаў ці цывілізацый, напрыклад ад немцаў ці візантыйцаў, з іх традыцыйнымі формуламі і выразамі, то сучасная інтэрпрэтацыя паняццяў і катэгорый права Беларусі феадальнага часу, а дакладней, перыяду, калі звычайнае права актыўна выкарыстоўвалася ў якасці крыніцы для пісанага права, выглядае праблемай надзвычай складанай для даследавання і сучаснай інтэрпрэтацыі. Яна патрабуе выкарыстання крыніц не толькі айчыннага права, але і права суседніх народаў, грунтоўных ведаў ад даследчыка не толькі ў галіне права, але і мовазнаўства (асабліва параўнальнага мовазнаўства, этымалогіі і г. д.).

Вядома, што першым з дайшоўшых да нас дакументаў, які ўтрымлівае нормы пісанага права, – гэта «Руская праўда». Дыскусійным з'яўляецца пытанне пра выкарыстанне норм «Рускай праўды» на тэрыторыі сучаснай Беларусі. Асабліва гэта тычыцца зямель Полацкага

княства, дзе княжыла дынастыя Рагвалодавічаў-Ізяславічаў. Наяўнасць самастойнай княжацкай дынастыі для раннефеадальнай дзяржавы выступала сведчаннем яе палітычнай самастойнасці і незалежнасці ад «імперыі Рурыкавічаў», як час ад часу тытулююць Кіеўскую Русь у яе шырокім разуменні (як усе землі, падначаленыя дзяржаве з цэнтрам у Кіеве, а не як уласна Кіеўская зямля ў вузкім разуменні). Па ўказанай прычыне магчыма меркаваць, што нормы «Рускай праўды» на гэтых землях не выкарыстоўваліся. Пераканаўчых доказаў як за выкарыстанне норм «Рускай праўды» ў раннефеадальны перыяд на тэрыторыі Полаччыны, так і за тое, што падобнага не было, прывесці цяжка па прычыне недастатковасці крыніц ці недасканаласці праведзенага ў цяперашні час аналізу наяўных матэрыялаў. Спісы «Рускай праўды», якія дайшлі да нашага часу маюць наўгародскае ці паўночна-ўсходняе паходжанне, што ўскосна сведчыць на карысць невыкарыстання яе на землях Беларусі. У той самы час на тых тэрыторыях Беларусі, якія былі ўключаны ў склад Кіеўскай Русі, нормы «Рускай праўды» выкарыстоўваліся. Калі судзіць па такому помніку права як «Дагавор 1229 г.» (у навуковай літаратуры сустракаюцца некалькі назваў гэтай крыніцы: Дагавор 1229 г. Смаленска, Полацка і Віцебска з Рыгай і Гоцкім берагам; Смаленская гандлёвая праўда 1229 г. і г. д.), «Руская праўда» аказала на яго несумненны ўплыў. Тое ж даказваюць і ўстаўныя граматы смаленскага князя Расціслава (XII ст.).

Наступнае, што трэба разумець пры разглядзе праблемы фарміравання і выкарыстання асноўных паняццяў і катэгорый праваахоўнага права ў Беларусі феадальнага часу, гэта дынаміку працэсу развіцця пісанага права. Пераадоленне партыкулярызму права – працэс працяглы, які ідзе рознымі тэмпамі як у цэлым па дзяржаве, так і па розных паасобных частках краіны, якія да сістэмнай рэформы дзяржаўнага ладу перыяду 60-х гг. XVI ст. мелі розны статус у межах агульнай дзяржавы – Вялікага Княства Літоўскага (ВКЛ). Неабходна ўлічваць свайго роду дыялектыку развіцця права ва ўмовах партыкулярызму на розных, хоць і з'яданых у адну дзяржаву, тэрыторыях ВКЛ. Па ўказаных прычынах, першай з якіх выступае адсутнасць на сённяшні час дасатковых для даследавання першакрыніц, мы можам рабіць толькі самыя агульныя заўвагі і даваць абагульненыя слаба абгрунтаваныя тлумачэнні працэсаў развіцця права на тэрыторыі Беларусі феадальнага перыяду. Зразумела, што тое ж самае трэба казаць не толькі адносна зямель Беларусі, але і ў дачыненні да тэрыторый цяперашняй Украіны, а тым больш зямель будучай Расіі. Паколькі гаворка ідзе ўласна пра тэрыторыю Беларусі, наша ўвага будзе прысвечана толькі абзначаным тэрыторыям нашай айчыны.

Не заўсёды існуе магчымаць адназначна інтэрпрэтаваць пэўнае паняцце, якое ўжывалася ў разглядаемы перыяд. Напрыклад, з часоў «Рускай праўды» ўжываецца паняцце «ардалія». Яно тлумачыцца як выпрабаванне вадой ці жалезам. Пры панаванні тэорыі фармальнага доказаў у ардаліі няма нічога надзвычайнага. Праблема крыецца ў тым, што покуль мы не можам адназначна патлумачыць, якім чынам праходзіла працэдура ардаліі. Непасрэдна сама «Руская праўда» гэты момант не тлумачыць. Пазнейшыя крыніцы даюць супрацьлеглыя тлумачэнні выпрабавання вадой. У адных выпадках доказам праўдзівасці разглядаецца сітуацыя, пры якой звязаны чалавек не тоне ў вадзе (тлумачэнне кшталту: бог не дасць нявінную душу загубіць), а ў іншых крыніцах даводзіцца, што праўда за тым, хто патануў (калі не тоне звязаны чалавек, то ёсць падазраэнне, што ён звязаны з д'яблам).

Для раннефеадальнага права ўласцівы і такі момант, як адсутнасць падзелу права на галіны. Адсюль вынікае тое, што нормы праваахоўнага права ў феадальны перыяд можна сустрэць у разнастайных крыніцах: дамовах, княжацкіх статутах, разнастайных граматах і г. д.

Развіццё паняццяў і катэгорый праваахоўнага права ў Беларусі феадальнага часу прагрэсіруе ў перыяд ВКЛ. Гэта звязана ў першую чаргу з актыўнай законатворчай дзейнасцю XVI ст., часоў распрацоўкі, прыняцця і ўдасканалення трох Статутаў ВКЛ. Нягледзячы на тое, што для таго часу заставаўся традыцыйны казуальны прынцып выкладання прававой нормы, адбываецца паступовае фарміраванне ўстойлівых юрыдычных формул, паняццяў і катэгорый. Так, злачынствы супраць здароў'я, асабістай недатыкальнасці і маёмасці называліся гвалтам, крыўдай, зладзействам, шкодай [1, с. 157]. Супрацьпраўны і грамадска небяспечны характар злачынства адцяняўся паняццямі ці тэрмінамі «выступ з права» ці «віна» [1, с. 157]. У больш ранніх нарматыўных прававых актах ВКЛ, напрыклад у агульназемскім прывілеі 1447 г., сустракаецца паняцце «проступка». Па слушнай заўвазе Я.А. Юхо, указаная паняцце выступае як найбольш блізкае да сучаснага паняцця злачынства [1, с. 157]. Тым не менш у перыяд XV–XVI стст. інтэнсіўнае фарміраванне паняццёвага апарату праваахоўнага права характарызаваўся захаваннем разнастайнасці тэрміналогіі. Прыкладам можа выступаць Судзебнік 1468 г., у якім для абазначэння злачынства выкарыстоўвалася паняцце «выступ з права» [1, с. 157]. Яшчэ ў сваіх першых публікацыях па гісторыі айчынных дзяржавы і права прафесар Я.А. Юхо ўказваў на запазычанні з рымскага права. Напрыклад, дзяржаўныя злачынствы, такія як змова супраць гаспадара, дзяржаўная здрада, бунт або паўстанне, спроба дзяржаўнага перавароту і г. д., перадаваліся ў айчынных пісьмовых крыніцах таго часу як «обращение маестату господарско-го» [1, с. 157].

Такім чынам, можна зрабіць наступныя высновы.

Па-першае, па прычыне малалікасці крыніц пісанага права складана аднавіць цэльную карціну развіцця пісанага права ў Беларусі феадальнага часу.

Па-другое, большасць крыніц феадальнага права даступны для даследавання ў спісах больш позняга часу і не заўсёды з тых тэрыторый і рэгіёнаў, дзе яны ўзніклі. Адназначна неабходна дакладнае размежаванне першаснага тэксту дакумента і дадаткаў і ўдакладненняў, якія належаць пазнейшым перапісчыкам.

Па-трэцяе, аналіз тэкстапомніка права магчымы толькі з пазіцыяй прававых традыцый той эпохі, якую разглядаемы помнік прэзентуе.

Па-чацвёртае, калі зыходзіць з узроўню даследаванасці разглядаемай праблемы, фарміраванне і выкарыстанне паняццяў і катэгорый права Беларусі, у тым ліку і праваахоўнага права, феадальнага часу, якасна не адрозніваліся ад аналагічных працэсаў у іншых рэгіёнах Усходняй Еўропы.

1. Юхо, І.А. Крыніцы беларуска-літоўскага права / І.А. Юхо. – Мінск : Беларусь, 1991. – 238 с.

2. Дагаворы і граматы як крыніцы беларускага феадальнага права : дапам. для студэнтаў юрыд. фак. / Я. Юхо [і інш.] ; Беларус. дзярж. ун-т ; каф. тэорыі і гісторыі дзяржавы і права. – Мінск : БДУ, 2000. – 127 с.

3. Крымінальнае права Беларусі : закон, злачынства, адказнасць : навуч. дапам. / А.У. Баркоў [і інш.] ; пад рэд. А. У. Баркова ; Бел. дзярж. ун-т, каф. крымін. права. – Мінск : Завігар, 1997. – 287 с.

4. Доўнар, Т.І. Помнікі права Беларусі феадальнага перыяду : курс лекцый / Т.І. Доўнар. – Мінск : Ін-т соврем. знаний, 2001. – 311 с.

5. Доўнар, Т.І. Развіццё асноўных інстытутаў грамадзянскага і крымінальнага права Беларусі ў XV–XVI стагоддзях / Т.І. Доўнар. – Мінск : Пропілей, 2000. – 223 с.

6. Довнар, Т.И. Уголовное право феодальной Беларуси : XV–XVI вв. : учеб. пособие / Т.И. Довнар, В.А. Шелкопляс ; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, Акад. МВД. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 1995. – 96 с.

УДК 94 (82) (=161.3)

С.В. Шабельцев

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКИХ ЭМИГРАНТОВ МЕЖВОЕННОГО ПЕРИОДА В АРГЕНТИНЕ

Белорусские эмигранты периода 1921–1939 гг. направлялись на постоянное место жительства и заработка в различные страны Нового Света: на Кубу, Канаду, в Бразилию, Аргентину, Парагвай, Уругвай, реже в США. Наибольшее количество белорусских переселенцев в это время приняла Аргентина, где эмигранты составили костяк белорус-

ской диаспоры, которая в середине XX в. насчитывала более 30 тыс. человек [1, с. 146]. В Аргентине белорусы отличались активной общественно-политической деятельностью, изучение которой позволяет выявить идеологические пристрастия и в определенной мере уровень национального сознания этих эмигрантов.

В 1921–1939 гг. белорусы могли выехать за океан только из Западной Беларуси, которая входила в состав Второй Речи Посполитой. Ее статистика, отражающая эмиграционные потоки, не фиксировала этническую принадлежность выезжавших – только их религиозную принадлежность. Ниже в таблице представлены данные за 1926–1938 гг. о количестве эмигрировавших из тех воеводств, включавших в себя земли Западной Беларуси [2, с. 305].

Воеводство	Выехавшие в Аргентину (1926–1938 гг.), тыс.
Белостокское	7 916
Виленское	7 583
Новогрудское	3 904
Полесское	12 359
Всего	31 762

В указанный период многие уроженцы Западной Беларуси выезжали в Парагвай, в меньшей степени – в Уругвай и Бразилию, но со временем они также переселялись в Аргентину. Там статистический учет велся только по стране выезда иммигранта (всех прибывших граждан Польши записывали в «nacionalidad polaca»), и местные жители не различали, «кто поляк, кто литовец, кто украинец, кто белорус. У них одна характеристика – „поляко“» [3, с. 202]. Польский исследователь Ч. Пактач оперировал цифрой в 220 тыс. польских иммигрантов в Аргентине в конце 1930-х гг., среди которых евреев – 100 тыс., поляков – 50 тыс., украинцев – 50 тыс., белорусов – 20 тыс. [4, р. 120]. По приезде в Буэнос-Айрес каждого эмигранта осматривал аргентинский врач, а затем местные чиновники проверяли документы. Если проверка проходила успешно, то белорусы беспрепятственно спускались на берег, могли жить и питаться в Буэнос-Айресе в «отеле иммигрантов» за счет аргентинского государства в течение двух недель. По окончании этого срока приезжий должен был покинуть это место.

Граждане других государств, приехавшие в Аргентину на постоянное место жительства, как правило, не стремились приобретать местный паспорт. Белорусы, оставаясь польскими гражданами, могли свободно устроиться на работу, а затем получать пенсию; они не должны были заниматься лишь политической деятельностью (голосовать на

выборах и занимать государственные посты) и служить в армии. Поскольку белорусы оставались в подданстве Польши, кто-то из них, оказавшись без работы и средств к существованию, пытался найти поддержку в польском дипломатическом представительстве в Буэнос-Айресе, однако реальной помощи не находил. Благотворительная организация «Патронат Польский», призванная оказывать содействие эмигрантам, направляла их на фабрику местного поляка, где они работали почти бесплатно [5, с. 150]. Викентий Кочерга рассказывал о своем товарище, который «обратился в консульство с просьбой о помощи, так как долго не мог найти работы. Дежурный консульства ответил ему, что единственное, что он может ему посоветовать, так это „найти хороший камень, привязать его на шею и броситься в воду“» [5, с. 157].

В конце 1930-х – начале 1940-х г. сложилась ситуация, когда Буэнос-Айрес и его пригороды стали центром притяжения белорусов со всей Аргентины. Попробовав свои силы на работах, связанных с тяжелым сельскохозяйственным физическим трудом в провинциях, белорусы переселялись «ближе к цивилизации» – в столицу. Выгодное географическое положение, высокое экономическое развитие Буэнос-Айреса способствовали получению долговременной и высокооплачиваемой работы. Белорусы, как и другие «поляки», выгодно отличались от местных креолов, которые часто, поработав несколько дней, просили аванс, после получения которого могли навсегда исчезнуть из поля зрения нанимателя. Европейские эмигранты, как правило, работали на одном месте много лет, и бизнесмены о них заботились, повышая зарплату и предоставляя премии.

Адаптируясь к аргентинским реалиям, европейские переселенцы сталкивались не только со сложностями трудоустройства, но и эмоциональными проблемами, стремясь объединиться, чтобы общаться на родном языке, обсудить новости из Беларуси, найти поддержку. Однако национальное самосознание у них было, пожалуй, самым слабым среди мигрантов из Польши: католики часто определяли себя как поляки, а православные – русские или белорусы – считали себя частью русского этноса; выходцы из южной Брестчины могли входить в украинские организации.

Совместно с украинцами была создана первая общественная организация в Аргентине, в названии которой было слово «белорусский». Так, с 1929 г. коммунистически ориентированные эмигранты-украинцы были объединены в «Союз українських робітничих організацій» (СУРО). Печатный орган этой организации призывал эмигрантов включиться в политическую борьбу и присоединиться к забастовочному движению. В начале 1930-х гг. среди членов отделов и центрального руководства СУРО насчитывалось большое число белорусов, которые предложили

переименовать организацию в «Союз украинских и белорусских рабочих организаций» (СУБРО), что и было сделано в 1932 г. (по другим данным – в 1933 г.).

В 1934 г. в Аргентине действовало 52 отдела СУБРО с общим числом членов около 3 тыс. человек. Украинцы и белорусы переносили на аргентинскую почву свой дух протеста против буржуазных порядков и участвовали в забастовках, движении колонистов, распространяли печатные издания Коммунистической партии Аргентины (КПА). Это привело к репрессиям со стороны властей, так как эмигранты не имели права заниматься политической деятельностью, в результате чего СУБРО прекратил свое существование.

После этого стали создаваться легальные национальные белорусские организации: в декабре 1934 г. возникло первое белорусское культурно-просветительное общество «Беларуская Грамада», которое возглавил член КПА В. Кочерга; в декабре 1936 г. было создано общество «Культура»; в январе 1937 г. – Белорусская библиотека им. Ивана Луцкевича; в октябре 1938 г. – общество «Белавеж». 21 мая 1939 г. первые три белорусские организации объединились в Федерацию белорусских обществ и организаций в Аргентине, вскоре к ней присоединился «Белавеж», а затем возникли новые общества на Док-Суде (район Буэнос-Айреса) и в г. Бериссо (соответственно в 1939 г. и в 1941 г.). В этих организациях белорусы проводили вечера встреч, концерты, танцы, изучали русский и испанский языки. Белорусскими эмигрантами издавались «Новая Газета» и ежегодник «Белорусский иллюстрированный календарь».

Все белорусские общества в Аргентине были ориентированы про-советски: эмигранты считали, что в Советском Союзе установилась настоящая демократическая власть, а Польша с ее «панскими порядками» воспринималась как захватчица Западной Беларуси. Поэтому воссоединение Беларуси в 1939 г. эмигранты-белорусы встретили с радостью и энтузиазмом. После этого многие захотели вернуться на родину, чтобы жить при самом справедливом общественном строе, однако в Аргентине отсутствовало советское посольство, а в Европе шла война. Из-за этого возвращение откладывалось.

Весть о нападении гитлеровской Германии на СССР 22 июня 1941 г. вызвала бурю негодования среди белорусов: по всей Аргентине создавались белорусские комитеты помощи, которые часто действовали при культурно-просветительских обществах. В ноябре 1941 г. был создан объединенный Белорусский демократический комитет (БДК), председателем которого сперва был Викентий Круковский, а затем Венцеслав (Вячеслав) Савицкий [6]. После закрытия БДК военной хунтой в 1943 г.

был открыт Белорусский Центр помощи родине во главе с В. Круковским. Спустя многие десятилетия участники этого движения с гордостью вспоминают о том, как шили одежду и обувь, собирали материальные и денежные средства, распространяли в газетах и листовках информацию из СССР о войне. Вся белорусская диаспора в Аргентине за период 1941–1947 гг. собрала в фонд помощи СССР более полумиллиона песо [7, с. 73].

После 22 июня 1941 г. белорусы, желавшие помочь СССР, имели возможность сражаться с Германией и их союзниками в рядах польской армии, подчиненной английскому командованию. Консульство Польши в Буэнос-Айресе объявило об обязательной регистрации польских граждан 1903–1924 гг. рождения, и с марта 1941 г. в Аргентине началась мобилизация в Войско Польское. На призывных пунктах наплыв добровольцев из числа украинцев и белорусов наблюдался с лета 1941 г. Польские офицеры объясняли этот факт тем, что среди мобилизованных «встречается много коммунистов, которые сочувствуют Советскому Союзу, однако во время призыва они это не декларируют...» [8, с. 409]. Ю. Грибовский приводит рапорт Генерального консульства Польши в Буэнос-Айресе, в котором высказано беспокойство по поводу проникновения в польскую армию лиц «славянских меньшинств», которые подвержены воздействию советской пропаганды [8, с. 409]. С апреля 1941 г. по январь 1944 г. из Аргентины в Великобританию были отправлены 1 263 человек, из которых 92 (по другим данным – 110) являлись белорусами [8, с. 410].

Помощь родине продолжала существовать и после 1945 г., эта работа консолидировала белорусов, и более 5 тыс. из них являлись членами комитетов помощи. По всей Аргентине были созданы новые национальные общества, и 7–8 сентября 1946 г. состоялся конгресс белорусских организаций, на котором был создан Союз белорусских культурных организаций во главе с членом КПА Т. Ляшуком [9, с. 24]. Эмигранты желали вернуться в Беларусь, строить справедливое общество, которое доказало свою прогрессивность, одержав победу над гитлеризмом. Многие поменяли старые польские паспорта на советские, однако советские власти не торопились давать разрешение на переезд: белорусы должны были доказать, что достойны жить в СССР – тем самым инициировалось участие эмигрантов в политической борьбе внутри Аргентины на стороне КПА.

Посольство СССР координировало деятельность просоветски настроенных белорусов и украинцев в Буэнос-Айресе (оно открылось в 1946 г.). Используя свое влияние, советские дипломаты продвигали нужные им кандидатуры в руководство эмигрантских организаций, направляли их деятельность по распространению коммунистических

газет. Белорусы активно участвовали в славянском движении, которое было инициировано СССР во время войны, а после 1945 г. использовалось для распространения советского влияния. Так, на Втором славянском конгрессе (ноябрь 1946 г.) белорусы были представлены 15 организациями с 104 делегатами. В это время югославские общества и комитеты представили 162 делегата, украинские – 87, болгарские – 27, чехословацкие – 22, польские – 15, русские – 4, координационные славянские – 21, славянские подкомитеты – 37, «братские делегаты» – 12 [10, с. 4]. Конгресс призвал славян продолжать оказывать помощь СССР и странам Восточной Европы, а также бороться против империализма и остатков фашизма в Аргентине. Союз белорусских культурных организаций вошел в Славянский союз, председателем которого стал белоэмигрант П. Шостаковский, а генеральным секретарем – белорус А. Драмазонек.

Правительство Х. Перона, почувствовав для себя угрозу со стороны прокоммунистического славянского движения, в 1949 г. запретило его деятельность; закрытыми оказались и белорусские общества. В начале 1950-х гг. были сформированы культурно-спортивные клубы советских граждан, в которые входили представители всех национальностей. В Буэнос-Айресе и в провинции действовали клубы имени М. Горького, Н. Островского, А. Пушкина, В. Белинского, В. Маяковского, А. Толстого и др. Наиболее массовой организацией, вокруг которой объединились советские граждане, было общество взаимопомощи «Белорусский очаг», которое в 1955 г. насчитывало 11 тыс. белорусов, украинцев, литовцев и представителей других национальностей [11, с. 24].

В результате массовой реэмиграции в Беларусь во второй половине 1950-х гг., аргентинизации младшего поколения число белорусов в Аргентине постепенно стало сокращаться. В 1985 г. советское гражданство здесь имели только 21 500 человек [12, л. 139]. Официально представлять интересы просоветских украинцев и белорусов стала Федерация клубов советских граждан в Аргентине, созданная в 1986 г. Эта Федерация действовала вплоть до 2004 г., когда она была преобразована в FISIBRU (Federacion de instituciones culturales inmigrantes belorrasas, rusas y ucranianas) – Федерация культурных организаций белорусских, русских и украинских иммигрантов.

Таким образом, эмигранты-белорусы из Второй Речи Посполитой создали в Аргентине долговременные национальные институты в виде национальных и интернациональных (белорусско-украинских) обществ и организаций. Идеологически они ориентировались на СССР, что подразумевало не только артикуляцию симпатий к этой стране, но и активную политическую деятельность, выраженную в поддержке КПА и распространении коммунистической пропаганды в Аргентине. Ар-

гентинские власти были терпимы к любому проявлению культурных различий в публичной сфере, но обрушивали репрессии на эмигрантов, если те занимались политической антиправительственной деятельностью. Именно участие в кампаниях по поддержке КПА привело к закрытию белорусских обществ и организаций в Аргентине.

1. Губарэвіч, К. Паўсвета пад крыламі. З дарожных ураджаньняў / К. Губарэвіч // Польша. – 1960. – № 2. – С. 121 – 147.

2. Коваль, В.У. Узаемазвязі беларускай і ўкраінскай дыяспары ў міжваенны перыяд / В.У. Коваль. – Мінск : РІВШ, 2012. – 314 с.

3. Василий Афанасьевич Романович // Беларусы ў Аргенціне: грамадская дзейнасць і рээміграцыя ў СССР (1930–1960-я гг.) : зб. дак. і ўспамінаў / склад. С. Шабельцаў. – Мінск : Медысонт, 2009. – С. 199 – 227.

4. Paktacz, Cz. Ukraincy w Polskich Siłach Zbrojnych w czasie II wojny światowej / Cz. Paktacz // Polska – Ukraina: trudne pytania. – Т. 9. – Warszawa, 2002. – Р. 120.

5. Руденко, А.В. Свидетельства очевидцев / А.В. Руденко // Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.) : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03 / А.В. Руденко. – Москва, 1975. – 171 л.

6. Правление Комитета. Белорусский демократический комитет помощи нашей родине // Белорус. иллюстр. календарь на 1943 год. – 1942. – С. 118 – 122.

7. Бойко, П. Солидарность аргентинского народа с Советским Союзом в годы Великой Отечественной войны / П. Бойко // Советский Союз – Латинская Америка в годы второй мировой войны. К 30-летию Победы. – Москва, 1975. – С. 57 – 75.

8. Грыбоўскі, Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фармаваннях 1918–1945 / Ю. Грыбоўскі. – Санкт-Пецярбург : Неўскі прасцяг, 2006. – 832 с.

9. Правление. Съезд белорусских организаций // Белорус. иллюстр. календарь на 1947 год. – 1946. – С. 21–24.

10. З великим успіхом відбувся Другий слов'янський конгрес в Аргентині // Світло. – 1946. – 5 листопада. – С. 1, 4.

11. Руденко, А.В. Общественно-политическая и культурная деятельность прогрессивных белорусских иммигрантов в Аргентине (1925–1955 гг.) : автореф. дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03. / А.В. Руденко – М. : ИЛА, 1975. – 29 с.

12. Центр. держ. архів вищих органів влади та управл. України. – Ф. 4629 – Оп. 1. – Д. 373.

УДК 342.721

А.Н. Юшкевич

ЗАКРЕПЛЕНИЕ ПРИНЦИПА НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Неприкосновенность личности является одним из основополагающих личных прав. Неприкосновенность – это состояние защищенности от каких бы то ни было посягательств. Являясь базисом для многих